

7. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. – М.: Эксмо, 2007.
8. Рубцова З.В. Принципы передачи топонимии в России и республиках ее западного порубежья: картографический опыт начала и конца века // Ономастика та етимологія. – Київ, 1997.
9. Суперанская А.В. Структура имени собственного: фонология и морфология. – М.: Наука, 1969.
10. Суперанская А.В. Теоретические основы практической транскрипции. – М.: Наука, 1978.
11. Суперанская А.В. Что такое топонимика? – М.: Наука, 1984.

Дамбуев Игорь Александрович, старший научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, кандидат филологических наук

Dambuev Igor Aleksandrovich, senior researcher, department of linguistics, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS, candidate of philological sciences. Tel.: +7-9146307111; e-mail: igor_dambuev@mail.ru

УДК 811.551 (571.661)

© *Т.А. Голованева*

Особенности моделирования диалогов в корякских письменных автобиографических текстах (на материале писем Е.И. Дедык)*

В письменном корякском автобиографическом тексте исследуются специфические особенности моделирования диалогических фрагментов, которые не имеют места в устных корякских повествованиях.

Ключевые слова: корякский язык, автобиографический рассказ, референт, диалог, прямая речь, письменная речь.

T.A. Golovaneva

Special ways of dialogue modeling in the Koryak written autobiographical texts (based on Ekaterina Dedyk's letters)

Some special ways of modeling dialogue fragments are studied in the written Koryak autobiographical text, they are not found in the Koryak oral narratives.

Keywords: the Koryak language, autobiographical story, reviewer, dialogue, direct speech, written speech.

Корякская повествовательная культура существует преимущественно как устная. Письменность, несмотря на то что была введена еще в 30-е гг. XX в., развита слабо. После гибели первых корякских писателей на полях Великой Отечественной войны корякская литература перестала развиваться, а журналистика не смогла послужить стимулом для развития письменной культуры коряков. В настоящее время немногие коряки могут читать и писать на своем языке.

Письменный корякский текст представляет собой лингвистический феномен, изучать который целесообразно в сопоставлении с устными жанрово-идентичными нарративами.

Проанализировав особенности моделирования диалогических фрагментов в устных корякских текстах автобиографического характера, мы обратились к письменным нарративам с целью выявления особенностей моделирования диалогических фрагментов в корякских письменных автобиографических повествованиях.

Материалом для данного исследования послужили письма Екатерины Ивановны Дедык, написанные по нашей просьбе (сведения о Е.И. Дедык см. в примечаниях). В данной статье использовано 15 текстов (общее количество предложений 2621).

Анализ диалогических фрагментов в устных повествованиях позволил выявить особенности моделирования диалогов в корякском устном автобиографическом нарративе:

- 1) ориентация на клишированную, шаблонную структуру оформления авторских ремарок, где сигналом переключения референции служит неспрягаемая форма глагола *ivək* 'сказать' *ev=ə=ŋ* 'сказать=E=CV.dat' (деепричастие) 'сказав';
- 2) препозиция авторской ремарки;
- 3) абсолютное доминирование глагола *iv=ə=k* 'сказать' в качестве авторской ремарки, предвещающей введение реплики персонажа;
- 4) краткость авторской ремарки;
- 5) краткость моделируемого диалога (как правило, диалог представляет собой две реплики, каждая

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта № 14-04-00108.

из которых принадлежит разным референтам).

В письменном автобиографическом тексте выявляются специфические особенности моделирования диалогических фрагментов, которые не имеют места в устных повествованиях:

1) употребление пунктуационных знаков для выделения прямой речи или реплик диалога и, как следствие, возможность пропуска авторских ремарок, т. к. переключение референции в цепочке чередующихся реплик осуществляется графически;

2) возможность постпозиции авторской ремарки (по отношению к реплике персонажа);

3) устойчивое чередование глаголов *pəŋlok* ‘спросить’ – *ivək* ‘сказать’ в диалогах, имеющих вопросно-ответную структуру;

4) активное использование синонимов, предотвращающих излишнюю повторяемость глагола *ivək* ‘сказать’;

5) употребление ментальных глаголов, наречий, существительных, выступающих в роли обстоятельств образа действия, сопутствующих глаголу речи *ivək* ‘сказать’;

6) возможность расширенного круга референтов (более двух), фигурирующих в качестве участников одного диалога;

7) протяженность моделируемого диалога.

Обратившись к анализу диалогических фрагментов письменных автобиографических нарративов, рассмотрим, как эти принципы реализуются в реальных текстах.

1. Графическая система пунктуационных знаков, оформляющих реплики прямой речи и диалога. В моделируемых диалогах Е.И. Дедык оформляет реплики персонажей как прямую речь. С одной стороны, такое представление предполагает некоторое отстранение автора от изображаемого диалога, а значит, и реалистичность текста, что обусловлено жанром, ведь для автобиографического рассказа референциальная определенность и объективность изображения – важнейшие жанрообразующие принципы. Однако моделирование прямой речи неотделимо от авторского голоса. Об этом пишет А.М. Ломов: «Языковые факты свидетельствуют, что вопреки мнению лингвистов прямая речь предполагает не точное воспроизведение чужого высказывания, а всего лишь имитацию буквальной передачи последнего в плане его языковой организации, поэтому прямой речи свойственна некоторая противоречивость. Бесспорно, в прямой речи сохраняются основные грамматические, лексико-фразеологические и интонационные особенности сказанного кем-то (иногда даже самим автором). Однако правила имитации других сторон чужого высказывания, оформляемого как прямая речь, в частности его содержания, оказываются, наоборот, весьма нестрогими. Автор речевого произведения может изложить соображения говорящего лишь приблизительно; может исказить его мысли до такой степени, что говорящий откажется признать сообщение своим <...>» [Ломов, с. 32].

В устных автобиографических рассказах чередование реплик персонажей всегда сопровождается авторскими предваряющими ремарками. Отсутствие авторских ремарок, объясняющих, *кто что* говорит, требует от рассказчика изменения тембра и силы голоса. В устных текстах такие фрагменты (диалогические реплики без авторских ремарок) встречаются исключительно редко. В письменных текстах, напротив, отсутствие авторских ремарок внутри моделируемого диалога типично. Графическая система пунктуационных знаков, оформляющая диалог или прямую речь, позволяет четко проследить смену «говорящих» референтов. Таким образом, в письменном нарративе моделируемый диалог строится с ориентацией на зрительное восприятие. В текстах, написанных Е.И. Дедык, имеется множество примеров создания диалогов именно с опорой на графическую систему дифференциации реплик (примеры 1, 2, 3, 5, 11, 13, 14):

(1) [Дедык, т. 8, п. 64–67]* (здесь и далее: т. – текст, п. – предложение)

64. Анянак актыка янг'ав' нытвынэн, кэв'ңывоң:	Бабушка не могла правильно сказать, говорила:
65. «Ава, гыччи ыно ныг'эли <i>пёнеро?</i> **»	«Ава, ты стала <i>пионером?</i> »
66. «И, аня, гыммо эчги тыятгыматики ейгучевңык, в'иннетык ынпычг'ың».	«Да, бабушка, я теперь буду стараться хорошо учиться и помогать старшим».
67. «И, Ава, ҕайлым кун мойкың в'иннетычг'у еллайкынэ-тык, <i>пёнеро.</i> »	«Да, Ава, спасибо, что у нас помощником будешь, пионером».

* Рукописи Е.И. Дедык хранятся в личном архиве автора статьи.

** Пунктуационные знаки расставлены в соответствии с рукописным оригиналом.

При создании коряжской письменности пунктуационные правила русского языка автоматически были перенесены на письменную коряжскую речь. Показательно, что в диалогических фрагментах

Е.И. Дедык не всегда отслеживает постановку кавычек. Такое неполное оформление прямой речи связано не с неграмотностью автора (это исключено), а с избыточностью системы пунктуационных знаков при прямой речи. Как отмечает Е.Н. Ищук, «расстановка знаков препинания в тексте есть некое поведение, которое также может быть осознанным или бессознательным и подчиняющимся / не подчиняющимся общепринятым правилам» [Ищук, с. 131].

На материале примеров (1, 2, 3, 5, 11) видно, что рассказчица последовательно отмечает открывающие кавычки как сигнал введения реплики от лица *другого*, от лица *референта-он*.

Новая открывающая кавычка свидетельствует о смене говорящего персонажа. В примере (2) восприятию референциального плана помогают пунктуационные знаки (открывающие кавычки) и вопросно-ответная структура диалога: если одному референту принадлежит вопрос, то другому – ответ:

(2) [Дедык, т. 14, п. 165–167]

165. Ятан ейв'эчу нэлһымык малькит вичыткулг'ымуйи, инэч мытқыты.	Только жалел нас, что мы промокли и замёрзли.
166. «Еку г'ақа г'ылв'ыек г'экэв'тык?	«Зачем в плохой день отправились?
167. «Җок пыче омка итти, кытавут г'ыланһывой.	«Да ведь сначала тепло было, вдруг снег пошёл.

На примере фрагмента (3) видно, что могут быть поставлены только первые открывающие кавычки, а дальше диалог моделируется без пунктуационных указателей, сигнализирующих о смене говорящего референта. В подобных случаях показателем смещения фокуса референции становится структура ответной реплики и ее смысл. Читатель по смыслу понимает, что эту реплику произносит другой герой повествования.

Начало реплики от лица *референта-он* в письменных текстах Е.И. Дедык, как правило, сопровождается открывающими кавычками, а вот переход к репликам от лица *я-нарратора* может осуществляться без всяких пунктуационных указателей. Связано это с тем, что в автобиографическом повествовании *я-нарратор* всегда находится в глобальном фокусе внимания:

(3) [Дедык, т. 15, п. 46–49]

46. Меллеке иниви:	Потом она говорит мне:
47. «Ава, ыгит митг'айин урвақ тоңватэ, эмқун қыпы.	«Ава, посмотри, красивое платье получилось, ну-ка надень.
48. Еккин! Ыйым! Ыгит тумгин урвақав' гапчиқалинав', г'ам гымнин ам яқ буквав' аму!	Ещё чего! Нет! Посмотри, у подружек платья с птичками, а моё с какими-то буквами!
49. Нэм қалыгаймьятык тыңвок.	И вот я начала рыдать.

Рассказчица использует открывающие кавычки, для того чтобы выделить реплики, принадлежащие *референту-он*, так отделяется речь *другого* в пределах своего собственного монологического текста.

В том случае, если диалог имеет вопросно-ответную структуру, то кавычки могут вообще не использоваться. Употребление в пределах авторской ремарки глагольной формы *iv=i* сказать=3sgS.PFV 'сказал=он' надежно устанавливает референциальные соответствия, поэтому открывающие кавычки не используются, хотя реплика принадлежит *референту-он* (пример 4, п. 390–391):

(4) [Дедык, т. 12, п. 389–392]

389. В'утку витку муйи Вера мытһытг'этын г'оячек Юрий Рытхэу.	Здесь впервые мы с Верой встретили юношу Юрия Рытхэу.
390. Ынно ятан иви:	Он только сказал:
391. Меңқо туйи?	Откуда вы?
392. Мую Камчаткакэнамоё.	Мы камчатские.

В устном корякском автобиографическом нарративе доминирующая форма, вводящая реплику от лица *референта-он*, это форма деепричастия *evə=η* 'сказать=CV.dat' 'сказав' (см. примеры 7, 10). Употребление формы *evəη* для переключения референции в моделируемом диалоге характерно именно для разговорной речи. В силу своей краткости эта форма удобна, она позволяет предельно сжать предваряющую авторскую ремарку. В письменных автобиографических нарративах мы не встретили ни одного примера, в котором форма *evəη* использовалась бы в диалогических фрагментах.

Если Е.И. Дедык моделирует диалог не двух, а нескольких лиц, она может использовать не кавычки, а тире и переход на другую строку – графические средства оформления диалога:

(5) [Дедык, т. 2, п. 44–57]

44. То кытав'ут эльг'а чав'чывачг'энаң иви:	И вдруг девушка по-чавчувенски сказала:
45. «Мей, кымиңу!»	«Здравствуйте, ребята!»
46. Гыммо тучгинэну <i>учителю</i> тыйитың.	Я вашим учителем буду.
47. Гымнин нынны <i>Александра Петровна</i> .	Меня зовут Александра Петровна.
48. Ынав'ут туо мыкалэлэтык.	Теперь вас запишем.
49. Гыччи мэкийги?	Ты кто?
50. = Эв'кумңигым гыммо	– Я Эвкумнын.
51. = Ытавегым	– Я Котав.
52. = Ыаен Кавав'җа, – мэки аму иви.	– Это Кававна, – кто-то сказал.
53. Ынно ванн Елена, ынно в'эемлэңэв'.	Она Елена, она из Лесной.
54. Г'ано Чача.	Вон Чача.
55. = Ам гыччи мэкийги? – энапъылой учетеле.	– А ты кто? – спросила меня учительница.
56. = Ынно Ёкав' Наривлич, – омакаң эв'лай тумгу.	– Она Ёкав Наривлич, – вместе заговорили товарищи.
57. Ынынг'ан накалэламык қонг'айычеңмоё <i>ученко</i> .	Так нас записали, девять учеников.

На примере предложений 52, 55, 56 хорошо видно, что для письменных моделируемых диалогов характерны авторские ремарки не только предваряющего, но и последующего характера.

2. Ремарки, занимающие постпозицию по отношению к реплике персонажа. Ремарки, следующие за прямой речью, т.е. занимающие постпозицию, в диалогических фрагментах устных нарративов не используются, так как в подобных случаях появляется референциальная неопределенность: кому принадлежит реплика? Как отмечает Н.В. Максимова, «в категориальной паре “кто говорит” именно первый компонент является наиболее существенным. Не случайно предикат с семантикой говорения может на равных заменяться самыми разнообразными лексико-семантическими разновидностями, вплоть до его опущения, тогда как то, кому принадлежит говорение, должно быть обозначено с обязательностью, ср. оформление драматического текста» [Максимова, с. 58].

В устном тексте вводимая реплика обязательно должна быть соотнесена с референтом в предварительном контексте, а не в последующем. В письменных повествованиях легко могут быть использованы авторские ремарки последующего характера. Письменный текст воспринимается нелинейно. Письменная форма позволяет видеть целостный фрагмент текста. Зрительное восприятие фрагмента повествования имеет проспективный характер, при котором мгновенно воспринимается последовательная цепочка высказываний, где референциальные ориентиры предполагают катафорическую отсылку:

(6) [Дедык, т. 9, п. 92–94]

92. «Аня, ипа ватқэн қытывы йинны-ңын», – мытқоңволаңын в'аулак аня.	«Бабушка, расскажи еще что-нибудь», – начинаем просить бабушку.
93. «Яво! В'ото ватқэн мытвын пэнинэлг'ин панэнатвын.	«Погоди! Вот расскажу древнюю историю.
94. Ынкыеп, титэ аму ңавычқо гэлқыллинэв' алолқэвынвың.	Когда-то давно женщины пошли за ягодой.

Авторские ремарки, занимающие постпозицию по отношению к репликам персонажей, используются Е.И. Дедык достаточно часто (пример 5, п. 52, 55, 56; пример 6, п. 92; пример 14, п. 109). Возможно, это связано с тем, что корякский письменный нарратив строится с ориентацией на русскую книжную традицию, где такой способ представления реплик типичен.

3. Использование пары *рәҗлoк* ‘спросить’ – *ivәk* ‘сказать’ в моделируемых диалогах вопросно-ответной структуры. Вопросно-ответная структура наиболее типична для моделируемых диалогов как письменных, так и устных нарративов. При этом в устных текстах для введения и вопросительных, и ответных реплик, в подавляющем большинстве случаев используется один и тот же глагол *ivәk* ‘сказать’:

(7) [Аймик, т. 7, п. 3–8]*

3. Ылла гымнин тыкив'җын:	Маме я=сказала=ей:
4. «Гэеқлин лэв'ыт қонпың кутг'ылың?»	«Почему голова всегда болит?»
5. Эвың:	Сказав:
6. «Анам гэюлтылин».	«Наверное, сдвинулась».

* Текст Л.А. Аймик опубликован в [Голованева, Мальцева, с. 29–35].

Создавая письменные тексты, Е.И. Дедык, сознательно или нет, старалась избегать повторов, поэтому в диалогах, имеющих вопросно-ответную структуру, активно использует пару глаголов *pəŋlok* ‘спросить’ – *ivək* ‘сказать’ (пример 5, п. 55; пример 8, п. 28, 32; пример 14, п. 107):

(8) [Дедык, т. 7, п. 28–35]

28. Выг’аёк тыпыңлон:	Потом я его спросила:
29. «Коля, миңки ейгучевңи?»	«Коля, где ты учился?»
30. Иви:	Сказал:
31. «Гыммо Москвак, МГУ тыптыкун».	«Я в Москве МГУ закончил».
32. Ветга тыпыңлон:	Я сразу спросила его:
33. «Коля, ипа қытвы миңкые чама һакые тылэй яйго-чав’һынвың?»	«Коля, нет всё-таки скажи, как же ты туда поехал учиться?»
34. Иви:	Сказал:
35. «Җоқ эмчинин, яқам тыг’эҗвык то кытвыль эмйкукэ накалигым яйгочавһынвың».	«Да сам, просто отправился и достаточно легко меня зачислили учиться».

На примере фрагмента (8) видно, что использование разных глаголов речи, дифференцировано вводящих либо вопросные, либо ответные реплики, способствует поддержанию референциальных соответствий. В диалогических фрагментах вопросно-ответной структуры, как правило, за каждым из референтов закреплена определенная роль: либо спрашивающего, либо отвечающего, и на протяжении фрагмента эта роль не меняется.

В диалогических фрагментах устных нарративов доминирует глагол *ivək* ‘спросить’, поэтому многократный повтор одной и той же лексемы типичен. В письменном тексте использование глагола *pəŋlok* ‘спросить’ помогает рассказчице избежать лексического повтора, этой же цели служит и употребление синонимов.

4. Использование синонимов. Если в устной речи в процессе моделирования диалогов рассказчица в абсолютном большинстве случаев пользуются глаголом *ivək* ‘сказать’, синонимы остаются не востребуемыми, то в письменных диалогических фрагментах, напротив, спектр используемых синонимов очень широк:

(9) [Дедык, т. 7, п. 39–56]

39. Җонпың в’ача ежин-һын мыткыкычвельг’анһывоң:	Всё время иногда о чём-нибудь начнём беседовать:
40. «Коля, г’ам миңки юнэти?»	«Коля, а где ты жил?»
41. Кэв’һывоң:	Начал говорить:
42. «Гымнин ёнатыны қымэк г’иг’ык митг’айин майһыяяңа ныгычголқен, омақаң гымык эллай қуччев’ етыл’у».	«Моя комната была почти на небе красивого большого здания, самая верхняя, со мной вместе были другие приехавшие».
52. Титэ кычвельг’анма в’ача кэнаначгавың:	Беседуя, иногда смешил меня:
53. «Катя, г’ам г’аныччу қайыкмиңыпиляқу коңволаң елычачак накэв’һывоңым:	«Катя, а ребяташки начинают насмехаться надо мной, говорят мне:
54. «Дядя, а ты на обезьяну похож!»	
55. Гыммо ятан тыкэв’һывоң:	Я только скажу:
56. «Возможно, возможно».	

Использование синонимов позволяет не только избежать излишней повторяемости одного и того же слова (в частности глагола *ivək* ‘сказать’), но и качественно изменить саму фактуру диалогического фрагмента. Диалог становится более выразительным, насыщенным нюансами (пример 2, п. 165; пример 3, п. 49; пример 6, п. 92; пример 13, п. 12; пример 14, п. 110).

5. Использование ментальных глаголов, существительных, наречий, выступающих в роли обстоятельства образа действия и сопутствующих глаголу речи *ivək* ‘сказать’. В диалогических фрагментах устных нарративов авторская ремарка занимает вспомогательную позицию и является предельно краткой. Рассказчик, моделируя диалог, не изображает эмоции референтов, участников диалога: важно, *кто что* сказал, все остальное вторично:

(10) [Симонова, т. 9, п. 48–51]*

48. Тыкивың:	Я сказала:
49. «О-о, микынэк ынняқ, Вэлёлэйгэ?»	«О-о, кто же тебя, Вэлёлэ?»
50. Эвың:	Сказав:
51. «Э, чаккэ, гыммо».	«Да, сестра, я».

* Текст А.А. Симоновой опубликован в [Голованева, Мальцева, Проница, с. 31–42].

Письменный текст предполагает иное отношение к самому процессу порождения текста. Здесь важна не столько сиюминутная коммуникативная ситуация, референциальная ясность, сколько красота текста. Е.И. Дедык активно использует ментальные глаголы, наречия, существительные, сопутствующие глаголам речи в пределах авторской ремарки. Обстоятельства образа действия позволяют «воссоздать» эмоции говорящего. В моделируемых диалогах письменного нарратива важно не только *кто что* говорит, но и *как* говорит:

(11) [Дедык, т. 3, п. 55–59]

55. Пылтыккук спектакль тылэк ынкың тивын:	После спектакля я подошла к ней и сказала:
56. «Таня, в`уччин спектакль мытлыг`олан витко вутку 1939 з.	«Таня, этот спектакль мы видели впервые здесь в 1939 году.
57. Еппы мую қайыкмиңымуу.	Еще мы детьми были.
58. Ынно тыттель йиг`эти то иви:	Она очень обрадовалась и сказала:
59. «Бейли гыммо округык ятан Таняно накокомҗанҗывон.	«Верно, меня в округе только Таней называют».

(12) [Дедык, т. 4, п. 26–29]

26. Малета Коля тыёг`ын, тивын:	Потихоньку к Коле наклонилась и сказала:
27. «Коля, мыямынгын кытыл эллықутэткэ, гақуқдулин йылпыткын».	«Коля, правую руку не поднимай, под мышкой продырявлено».
28. Гайҗыачачга иви:	Со смехом говорит:
29. «Яҗом» (так и будет).	«Пусть».

(13) [Дедык, т. 12, п. 561–565]

561. Кытав`ут йыҗмитив` муйыккамлилрадиоқ тываломын в`аняв`, тэҗын г`эв`в`и нив`мык мойкың:	Однажды рано утром по нашему круглому радио (репродуктору) я услышала слова, как будто специально сказанные нам:
562. «Ею тайкыев` нэвэқ йытылыг`энэв` – яҗам гатайкыңволата».	«Если что намечено вами, сразу начинайте делать».
563. Ег`анма тыкумҗатык томгың:	Радуясь , я громко сказала подруге:
564. «Вера, қыгит эчеқмел муйи нэкив`мык».	«Вера, смотри, как будто специально нам сказали».
565. «Ток, мыныңво ейгучев`ңык.	«Ну, начнем учиться».

Актуализация эмоций ‘вступившего в диалог’ персонажа совершенно не характерна для устных диалогических фрагментов, так как замедляет переход к непосредственному представлению реплики. Диалогические фрагменты в устных текстах очень экономичны, они строятся по принципу «ничего лишнего». В них ничто не должно отвлекать слушателя от главного смысла. А так как в диалоге главное – это содержание реплик, то авторские ремарки сокращаются до минимума.

Письменный текст, напротив, нацелен не на мгновенное восприятие, а на восприятие, отодвинутое во времени. В процессе *порождения > восприятия* письменного текста быстрота реакции взаимодействия *говорящий > слушатель* не имеет никакого значения. Для письменного текста время значения не имеет, поэтому в состав авторских ремарок включаются второстепенные члены предложения, обстоятельства и дополнения. Авторская ремарка является уже не вспомогательным средством (как это происходит в устных нарративах), а самоценным элементом диалогического фрагмента, не менее важным, чем сами реплики.

6. Расширение круга участников диалога и увеличение протяженности диалогических фрагментов. В устных текстах диалогические фрагменты моделируется как диалог двух референтов, введение третьего референта сильно осложняет референциальный план диалога. В этом случае сложнее провести параллели между репликами и референтами, произносящими эти реплики. Письменный текст, в отличие от устного, дает возможность воспринимать весь диалог как целостный фрагмент. Возможность такого нелинейного восприятия, а также иная коммуникативная ситуация позволяют усложнять структуру диалога в письменном тексте, расширять круг участников диалога, увеличивать протяженность диалогических фрагментов (примеры 5, 14):

(14) [Дедык, т. 9, п. 107–113]

107. Лыгу аҗэньмыпанэнатвын, кытав`ут ыммэнақ йинныңын япыңлоңнэн:	Иногда во время общения мама вдруг что-нибудь спросит :
108. Г`ам ңанқо йинны, ыммэ, уйңэ аваломка тынтың?	Но что-то, мама, я не слышала этого?
109. «Марина, еку кэнавэтавын, қыйым этг`у мыпанэнатвык, – коңвоң ивык аня.	«Марина, зачем мешаешь мне, я еще не рассказывала (об этом), – начнет говорить бабушка».

110. Г'ам муу тыттэль мыткоңволаң этг'у-ван пав'чицатык , ына йинны амьел панэнатвын йитың.	А нам очень интересно, что же дальше за рассказ будет.
111. «Ыммэ, кытыл энавэтвакка.	«Мама, не мешай нам.
112. Аня, ток қыңво панэнатвык.	Бабушка, ну, начинай рассказывать.
113. То панэнатвыгыйңын гымлэ коңвоң тымлык.	И рассказ снова начнет продолжаться.

В фрагменте (14) для дифференциации реплик референтов употребляются графические пунктуационные знаки, используются авторские ремарки, занимающие постпозицию по отношению к реплике, что в устном тексте невозможно. Для выразительности текста используются ментальные глаголы, сопутствующие глаголу речи, синонимы глагола речи, что совершенно не характерно для устных нарративов.

Письменный текст побуждает к поиску средств выразительности, устный текст, напротив, утилитарен.

Создание письменного текста – нетривиальный процесс. Даже написание обычного письма предполагает временный выход из потока обыденности, временную отстраненность автора от сиюминутной коммуникативной ситуации. Создание письменного текста невозможно без саморефлексии. Оценочный взгляд автора играет существенную роль в процессе создания текста как лингвистического феномена. Для автора письменного текста стремление к выразительности естественно. Это стремление побуждает автора отходить от традиционных, шаблонных способов представления реплик, искать более точные, оригинальные способы выражения мысли, что способствует развитию языка в целом.

Примечания

Сведения о Е.И. Дедык:

Екатерина Ивановна Дедык родилась в 1932 г. в Воямпольской тундре. В первый класс пошла в 1940 г. После окончания седьмого класса Паланской неполной средней школы в 1950 г. Екатерина Ивановна поехала учиться в Ленинград. При Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена существовали подготовительные курсы. Там Е.И. Дедык училась с 8 по 10 класс. В 1953 г. она поступила в ЛГПИ им. А.И. Герцена на филологический факультет, который окончила в 1958 г., получив специальность «преподаватель русского языка и литературы, преподаватель корякского языка». По окончании института Екатерина Ивановна вернулась в п. Палану, где более 45 лет работала журналистом в национальном отделе Окружного радио, вещающем на языках народов Севера. Екатерина Ивановна является членом Союза журналистов СССР. Отличное знание родного языка, специальное образование, профессиональная работа по составлению текстов радиопередач на корякском языке позволили Екатерине Ивановне в совершенстве овладеть корякской письменностью.

Наша переписка с Е.И. Дедык велась на протяжении трех лет (2009-2012) на русском и корякском языках. В настоящее время в связи с сильным ухудшением зрения Екатерина Ивановна писать не может. Архив, состоящий из ее писем, в корякской культуре не имеет аналогов. Письма Е.И. Дедык являются ценным материалом для изучения особенностей корякской письменной речи.

Использованные в статье оригинальные тексты на корякском языке

Тексты писем Е. И. Дедык:

Дедык, т. 2 – Дедык Е.И. «Первый школьный день».

Дедык, т. 3 – Дедык Е.И. «Кукольный театр».

Дедык, т. 4 – Дедык Е.И. «Фильм «Яна»».

Дедык, т. 7 – Дедык Е.И. «Коля Игиклавол».

Дедык, т. 8 – Дедык Е.И. «Вожатый Васе».

Дедык, т. 9 – Дедык Е.И. «Наши корни».

Дедык, т. 12 – Дедык Е.И. «Моя учёба».

Дедык, т. 14 – Дедык Е.И. «Окружное радио».

Дедык, т. 15 – Дедык Е.И. «Платье “Канада”».

Расшифровка аудиозаписи устных корякских текстов

Аймик, т. 7 – устный текст «О перерождении текстов в потомках» рассказала Лилия Александровна Аймик, 1970 г.р., уроженка района верховой р. Пахачи. Текст записан Т.А. Голованевой и А.А. Мальцевой в ходе экспедиции в г. Петропавловск-Камчатский в 2010 г. Аудиозапись расшифрована и переведена на русский язык Т.А. Голованевой и А.А. Мальцевой совместно с Л.А. Аймик.

Симонова, т. 9 – устный текст «Выбор имени», записанный от Александры Алексеевны Симоновой (Кергильхот), 1951 г. р., уроженки с. Ветвей Олноторского района. Текст записан Т.А. Голованевой и А.А. Мальцевой в ходе экспедиции в г. Петропавловск-Камчатский в 2010 г. Аудиозапись расшифрована и переведена на русский язык Т.А. Голованевой и А.А. Мальцевой совместно с Е.П. Прониной.

Литература

1. Голованева Т.А., Мальцева А.А. Тексты на корякском языке (чавчувенский диалект, пахачинский говор) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – Вып. 25. – 2013. – № 2.

2. Голованева Т.А., Мальцева А.А., Пронина Е.П. Тексты на корякском языке, записанные от А.А. Симоновой // Экспе-

диционные материалы по языкам народов Сибири (1995–2012 гг.) / отв. ред. Н.Н. Широкова. – Новосибирск, 2012.

3. Ищук Е.Н. Вербализация пунктуационных знаков в письменных и устных текстах: функциональный аспект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – Вып. 2.

4. Ломов А.М. Чужая речь в письменном тексте // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – Вып. 8.

5. Максимова Н.В. О разнородности форм передачи чужой речи и их языковом, речевом, текстовом статусе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2006. – Т. 6. – № 16.

Голованева Татьяна Александровна, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (г. Новосибирск), кандидат филологических наук.

Golovaneva Tatyana Aleksandrovna, research fellow, department of folklore of Siberian peoples, Institute of Philology SB RAS (Novosibirsk), candidate of philological sciences. Tel.: +7-9140527760; e-mail: gta-77@mail.ru

УДК 811

© *Т.В. Михайлова*

Оценочная семантика императивных высказываний в русских текстах потестарной семантики XVI в.

Рассматриваются императивные высказывания из текстов русских публицистов XVI в. Ермолая-Еразма и Ивана Пересветова. Рассмотрены предикаты с семантикой долженствования, направленной в адрес царя и всех его подданных. Выявляется роль политических текстов в определении сущности и форм проявления царской власти, в становлении русской государственности.

Ключевые слова: прагматика высказывания, императивные высказывания, древнерусские тексты, сущность царской власти.

T.V. Mikhaylova

Evaluative semantics of imperative utterances in the Russian Texts with potestarian semantics of the 16th century

The imperative utterances from the texts of Ermolai-Erazm and Ivan Peresvetov, the Russian publicists of the 16th century are considered. The predicates with the semantics of obligation, directed both to the Tsar and his subjects have been considered. The role of the political texts is revealed in the determination of essence and forms of Tsar's power manifestation, in formation of the Russian statehood.

Keywords: pragmatics of utterance, imperative utterances, Old Russian texts, the essence of Tsar's power.

Представления о предназначении государства лежат в основе политической деятельности как правителя, так и самого народа. Одним из условий успешного развития страны является тесная взаимосвязь и взаимовлияние желаемых, идеальных образов своей страны, существующих в менталитете властителя и референтных групп. Интересные образцы государственно-политической мысли мы находим в древнерусской публицистике, которая представляет кладезь идей в области конструирования социальных представлений о предназначении Руси и, соответственно, в целеполагании, ориентированном на традиционные национальные ценности. Ценности, по мнению А.И. Пригожина, «предельные жизненные ориентиры», на которые человек и общество опирается в поисках будущего [Пригожин, с. 15].

Уже в первом политико-публицистическом древнерусском памятнике – «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона XI в. выражены важнейшие для русской культуры мысли о месте Руси в христианском мире, ее политические идеалы. Представления о будущем страны в данном тексте теснейшим образом связаны с мировоззренческими ценностными ориентирами древнерусского книжника [Молдован].

В «Слове о Законе и Благодати» совмещены две ценностные системы. Первая система обращена к прошлому. Вершину ее составляла слава рода русских князей, родовая слава, основанная на их мужестве и храбрости, разумном правлении страной, воинских победах. Другая – христианская – представлена, по Илариону, в качестве результата движения от «идольского мрака» через «Закон» (иудаизм, Ветхий Завет) к будущей Благодати как высшей христианской ценности. Христианизация Руси осмыслена Иларионом как слияние на новом этапе развития человечества этих аксиологических систем. Получив «благодатное» крещение, Русь встала на правильный путь и, как другие христианские страны и народы, становится «наследником небесного царства» [Молдован, с. 5].

Политические идеалы Московского царства имеют уже несколько другие смыслы. XV–XVI вв. – время национально-государственного подъема Русского царства. Ряд исторических фактов (Флорен-